

членением, хотя в отдельных местах имеются и попытки связать рассматриваемые факты с актуальным членением. Недостаточно показана тесная связь между ними, особенно между актуальным членением и главным средством его выражения — порядком слов. В современных исследованиях нельзя пройти мимо главного фактора словорасположения — актуального членения. Мало уделено внимания в работе и факторам изменения порядка слов в мордовских языках. Констатируя факторы, определяющие порядок слов, автор

почти ничего не говорит о причинах изменения былого порядка слов. Ведь известно, что изменение порядка слов происходит не только под влиянием других языков (о чем он справедливо утверждает), но и с развитием самого языка, в частности, с появлением в нем различных стилей.

В целом работа представляет собой серьезное научное исследование, существенный вклад в финно-угроведческую науку.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.3.15>

М. Р. Биушкина, Основные индивидуально-типологические варианты смешанного двуязычия у мордвы-эрзи центральных районов Башкирской АССР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1978.

1. 15 июня 1978 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации М. Р. Биушкиной на тему «Основные индивидуально-типологические варианты смешанного двуязычия у мордвы-эрзи центральных районов Башкирской АССР» (научный руководитель кандидат филологических наук И. С. Бузаков). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Л. П. Грузов и кандидат филологических наук М. В. Мосин.

2. Изучение двуязычия у народов СССР является важной задачей советских лингвистов. Оно тесно связано со сложной проблематикой развития советских народов, с вопросами школьной и издательской практики, с ролью младописьменных языков в условиях многонационального государства. Более того, двуязычие представляет собой интересное явление в общелингвистическом плане, проливающее свет на функционирование языка как средства коммуникации и на устойчивость (или же проницаемость) разных плоскостей языка. С этой точки зрения тема работы М. Р. Биушкиной весьма актуальна.

Тем не менее следует отметить ранее опубликованные и посвященные «смешанному мордовско-русскому двуязычию» статьи, которые автором не упомянуты:

1) J. Juhász, A moksamordvin-orosz nyelvkeveredés. — NyK XLVII 1929, с. 296—300; 2) М. Н. Коляденков, К вопросу о заимствованиях в мордовских языках. — Записки (Научно-исследовательский институт при Совете Министров Мордовской АССР) 5. Язык и литература, Саранск 1946, с. 68—75; 3) V. Hallar, Mordva-vene segakeelsusest. — КК 1960, с. 220—223.

Материал работы, по словам автора, собран в 28 мордовских населенных пунктах и двух городах (с. 21 и 137—138; в «Списке информантов» на с. 139 приведены только 18 фамилий, при этом всего из 11 населенных пунктов).

При характеристике использованных исследовательских методов М. Р. Биушкина пишет, что «слуховое наблюдение и слуховой контроль» были избраны «в качестве первого этапа анализа речи... Во всех других случаях весь фактический материал обрабатывался методом количественного (квантитативного) анализа речевой деятельности билингвов и статистической обработки материала, зафиксированного на магнитофонной ленте» (с. 14).

Автором изложены эксперименты, проведенные в целях определения степени владения информантами русским и эрзянским языками. Так, краткий текст на эрзянском языке был прочитан экспериментатором вслух билингам-информантам,

принадлежащим к различным слоям мордовского населения, а затем содержание текста было воспроизведено информантами как на русском, так и на эрзянском языках.

Однако полный смысл второй половины цитаты, приведенной в предпоследнем абзаце настоящей рецензии («Во всех других случаях весь фактический материал обрабатывался...»), так и остается в работе неоткрытым. Правда, на с. 140 находим «Таблицу социологического распределения мордовского населения двух сел — Наумкино и Старомакарово — по степени владения мордовским, русским и другими языками», в которой по принципу «владеют хорошо» и «владеют слабо» приведены цифровые данные «по возрасту», «по образованию» и «по социальному положению»; отсутствуют важные данные «по роду» — мужчинам и женщинам.

3. Труд М. Р. Биушкиной представляет собой относительно целостное научное исследование (хотя в общей структуре работы нелегко ориентироваться). Положения автора в большинстве случаев иллюстрированы конкретными языковыми примерами, чрезмерная абстрактность изложения встречается редко (например, на с. 8—10, 51, 59—60), выводы в общем достаточно аргументированы.

Во «Введении» (с. 3—21) в самых общих чертах охарактеризованы типы двуязычия. Здесь же приводятся списки лингвистов, занимавшихся проблематикой социолингвистики в целом (с. 9—10).

4. В главе I «Общая характеристика смешанного мордовско-русского двуязычия на территории Башкирской АССР» (с. 22—48) вводится распределение мордовско-русских билингвов на четыре группы: 1) билингвы, хорошо владеющие мордовским и русским языками и частично использующие в мордовской речи русскую лексику, оформленную в системе и с помощью средств мордовского языка; 2) билингвы, хорошо владеющие мордовским и русским языками, но использующие в мордовской речи русские лексические единицы и синтаксические конструкции, не оформленные в системе и с помощью средств мордовского языка (например, *Сон мелят Уфасо окончил сельскохозяйственный институт* 'В прошлом году он окончил в Уфе сельскохозяйственный институт');

3) билингвы, знающие русский язык слабее, чем мордовский; 4) билингвы, знающие мордовский язык слабее, чем русский.

Данная классификация является основной работы. Неоспоримо, что повсюду в мордовских диалектах встречаются как предложения, соответствующие пункту (1) упомянутой классификации, так и предложения, соответствующие ее пункту (2). Возникает только вопрос, в какой мере различие между (1) и (2) отражает различие между идиолектами информантов, а в какой мере — различие между типами предложений. Иначе говоря, не является ли граница между билингвами групп (1) и (2) хотя бы до известной степени неопределенной? Не встречаются ли переходные подгруппы? На последнюю возможность автор ссылается коротко только в заключении (с. 130). Нижеподписавшегося, который в 1953—1962 гг. изучал и эрзянские и мокшанские диалекты, в данной связи интересует, сколько вообще можно встретить мордвинов, никогда не употребляющих предложения типа *Сон может якамс* 'Он может ходить'. А в труде М. Р. Биушкиной не приводится количественных данных о продолжительности работы с отдельными информантами или же о количестве (в часах) обработанных звукозаписей. Уже М. Н. Коляденков обратил внимание на то, что предложения типа *Сон (С. М. Киров) воспитал кеметь тыщат геройть* 'Он (С. М. Киров) воспитал десятки тысяч героев' часто встречаются не только в разговорном языке, но и как в эрзянской, так и в мокшанской печати (Коляденков 1946, с. 73—75). При этом они встречаются также в оригинальной художественной литературе (Hallap 1960, с. 221—222). Приходится признать, что мордовская печать последних лет предложений указанного типа, по-видимому, старается избегать.

5. На следующих страницах главы I М. Р. Биушкина дает краткий обзор вариантов устной мордовской речи билингвов четырех групп с точки зрения морфологическо-синтаксического строя предложный (с. 28—38).

Далее следует весьма интересная характеристика русской устной речи билингвов четырех групп, включая фонетические особенности, отражающие влияние мор-

довской фонетической структуры на русский язык билингов (с. 38—45). Но в области фонетики рассматривается только речь первой и второй групп. Вообще не ставится вопрос о возможном влиянии русской фонетической структуры на мордовский язык билингов (может быть, наблюдается, например, колебание *tš ~ tšʔ*). По крайней мере в области мокшанских диалектов русское влияние довольно заметно; можно даже говорить о двух сосуществующих фонетических структурах этих диалектов (V. Hallap, *Phonological Problems of the Moksha-Mordvin Language*. — CIFU II, с. 161—167).

6. В главе II «Координативные и субординативные индивидуально-типологические варианты использования двух языков билингвами первой и второй групп» (с. 49—103) морфологическо-синтаксическую структуру мордовской речи билингов автор рассматривает более детально, исходя из понятий координативного билингвизма (в речи не нарушаются нормы ни мордовского ни русского языков) и субординативного билингвизма (в речи наблюдаются нарушения мордовской языковой системы, т. е. встречаются русские слова, оформленные по принципам русского словоизменения).

Координативный билингвизм характерен для рассмотренной выше первой группы билингов, а билингвы второй группы в мордовской речи обычно пользуются субординативными вариантами. В области координативного билингвизма представляет большой интерес анализ возможностей замещения мордовских лексем русскими, например, *Сзредицянтэ койники ильтизь ошов ~ Больноентэ наконец провозизь городов* 'Больного, наконец, отправили в город' (с. 52). При этом отмечается: «Замещению не подлежат чаще всего личные местоимения единственного и множественного числа, притяжательные и относительные местоимения, количественные и разделительные числительные, некоторые причастия на *-зь*, послелогии, а также многие часто употребляемые исконно мордовские глаголы и имена существительные» (с. 54).

Анализ субординативного двуязычия у билингов второй группы весьма подробен и содержит много нового (способы переключения с одной языковой системы на другую в рамках мордовской речи;

типы смещения двух языковых систем в рамках предложения; типы связи глаголов, оформленных по правилам русского словоизменения, с остальной частью мордовского предложения; использование русских фразеологических единиц в составе мордовских фраз и т. д.).

Следует отметить, что в работе не ставится вопрос о том, конструкции какого типа особенно склонны к русскому оформлению. По наблюдениям нижеподписавшегося, как правило, по-русски оформлены наряду с другими конструкции, обозначающие даты, время (по часам), цены товаров, размеры зарплаты, длину и вес предметов, например: мокш. *kši tři funta maksâlt' 'хлеба давали три фунта'*; эрз. *đöešt'i rub te-j jarmak maksñ — ÷iriñ idims 'я заплатил двести рублей денег — для выкупа "леса'* (Hallap 1960, с. 222). Часто встречаются предложения с глаголами *мочь* и *хотеть* в русском оформлении (там же).

Сложной проблемой является ограничение «настоящих русских заимствований» от русских слов в мордовском предложении (с. 28—29, 50, 62—67, 72—74). Этот вопрос исследован уже М. Н. Коляденковым (1946).

7. В главе III «Субординативные индивидуально-типологические варианты использования двух языков билингвами третьей и четвертой групп» (с. 104—128) характеризуются особенности 1) русской речи билингов, слабо владеющих русским языком, и 2) смешанной русско-мордовской речи билингов, слабо владеющих мордовским языком. Как в главе II, так и в главе III фонетическая проблематика отсутствует.

8. В работе М. Р. Биушкиной смещение мордовского и русского языков главным образом рассматривается с точки зрения лексических единиц и морфологическо-синтаксических конструкций. Не ставится вопрос о возможном переплетении мордовских и русских словоизменительных элементов в рамках одного и того же слова. По крайней мере в мокша-мордовских диалектах случаи такого переплетения встречаются, например: *ton kako-va godat?* 'ты какого года рождения?' (за русским родительным падежом *какого года* следует мордовское окончание сказуемости — (а)т); *tosâ tti dvaro-fâlt*

'там было три двора'; *pol vaš mo-
vāškā* 'примерно полвосьмого' (Hal-
lar 1960, с. 223). Представляют интерес
такие случаи, как «*saš... šib'i-rskāj
virstā,*» *mēgi,* «*ot' ša-zārām*» 'пришел
из сибирского леса,' говорит, «царем»'
(в мордовском предложении мордовское
слово *oцязор* выступает в творительном
падеже русского языка) (там же).

9. В «Заключении» (с. 129—133) в сжа-
той форме повторяются основные резуль-
таты исследования М. Р. Биушкиной.

Что касается технической стороны
диссертации, то она не совсем безупреч-
на, особенно это касается оформления сно-
сок и списка литературы (с. 134—136).

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)

**М. Г. Атаманов, Этнонимы удмуртов в топонимии. Дис-
сертация на соискание ученой степени кандидата филологиче-
ских наук, Тарту 1978.**

Изучение воршудно-родовой системы уд-
муртов имеет существенное значение
потому, что она — при отсутствии древ-
них документов по истории удмуртского
народа и ранних письменных памятников
языка — может послужить важнейшим
источником изучения удмуртской этноги-
нии и доисторического развития удмур-
тов, а также предоставит в распоряжение
исследователей ценные сведения по исто-
рической диалектологии и фольклори-
стике. К сожалению, эта задача долго не
получала комплексного решения, хотя
отдельные ее стороны находили освеще-
ние в трудах удмуртских историков и
лингвистов последних лет (см., напр.,
В. Е. Владыкин, Очерки этнической и
социально-экономической истории удмур-
тов (до начала XX века). Автореф. канд.
дисс., Москва 1969; Г. Т. Живаева,
История северных удмуртов IX—XV вв.
Канд. дисс., Москва 1971; С. К. Буш-
макин, Воршудные имена и удмуртская
топонимия. — Ономастика Поволжья.
Материалы I Поволжской конференции
по ономастике, Ульяновск 1969; его же,
Воршудные имена — микроэтнонимы
удмуртов. — Этнонимы, Москва 1970 и
др.). Поэтому вполне естественно, что
специалисты-удмуртоведы с интересом
отнеслись к кандидатской диссертации
М. Г. Атаманова «Этнонимы удмуртов в
топонимии», защита которой состоялась
15 июня 1978 года на заседании Специа-
лизированного совета Д 069.02.02 по при-
суждению ученой степени доктора наук
в Тартуском государственном универси-

тете. Официальными оппонентами высту-
пили доктор филологических наук Г. М.
Керт (Петрозаводск) и кандидат филоло-
гических наук доцент В. К. Кельмаков
(Ижевск).

Автор рецензируемой работы ставит
перед собой круг важных целей и задач:
1) показать на материале языка, истории,
этнографии, археологии и других исто-
рических дисциплин происхождение и
развитие воршуда; 2) по данным различ-
ных диалектов удмуртского языка и
исторических документов восстановить
древнеудмуртскую праформу микроэтно-
нимов и дать этимологию части из них;
3) показать отражение воршудно-родовых
имен в топонимии; 4) выявить и дать
краткое описание родовых центров в
связи с их формированием; 5) предста-
вить размещение воршудно-родовых
групп удмуртов по республикам, краям,
областям, районам и населенным пунктам
и на этой основе составить карты-схемы
по более крупным родовым группам
(с. 6).

Забегая несколько вперед, можно от-
метить, что все эти задачи выполнены и
в большинстве случаев блестяще. Усло-
вием для этого послужило то, что М. Г.
Атаманов в течение многих лет (на-
чиная с 1971 г.) упорно и целеустрем-
ленно работал над избранной темой. Еще
будучи студентом, он ежегодно принимал
участие в фольклорно-диалектологических
и этнографических экспедициях, где в
полевых условиях собирал сведения о рас-
пространении тех или иных воршудных
наименований, по крупницам извлекал ма-